

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР
Научный совет
исторической демографии
и исторической географии

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ:

проблемы,
суждения,
задачи

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Ю. А. ПОЛЯКОВ

Москва «НАУКА» 1989

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

Глава 3. Образ прошлого в демографической литературе

В демографии существует давняя традиция: анализируя и интерпретируя наблюдаемые тенденции воспроизводства населения, исследователи стремятся рассматривать их в контексте исторических изменений, понять, как интересующие их процессы: рождаемость, брачность, смертность и т. д. — выглядели в прошлом. Интерес к генезису современных форм и способов демографического поведения, к исторической обусловленности их изменений, конечно, не случаен, за ним стоит стремление преодолеть поверхностную описательность видимых явлений и процессов и осмыслить их сущность, их движущие силы. Но всегда ли обращение к истории приводит к желаемому результату?

Это во многом зависит от того, насколько верен образ демографического прошлого, рисуемый демографами и служащий отправной точкой для всех их последующих рассуждений, базой для истолкования настоящего и прогнозирования будущего. Опыт показывает, что, конструируя такой «образ прошлого», демографы не всегда опираются на прочный фундамент исторического знания, нередко населяют прошлое мифическими единорогами или животными с двух головах. Отталкиваясь от подобной мифологии, они уверенно судят о настоящем и делают предсказания, которым не суждено осуществиться.

Приведем небольшую иллюстрацию к сказанному. Итальянский автор конца XIX в. Франческо Нитти по-

лагал, что современная ему Европа переживала подъем рождаемости. Он объяснял это уменьшением числа крестьян-землевладельцев и распространением наемного труда. В соответствии с принятым им образом прошлого все условия жизни в средние века и до начала XVII столетия на рождаемость влияли ограничивающим образом, тогда как «крестьянин, опустившийся на степень батрака», а тем более промышленный рабочий «лишается разумной предусмотрительности поселения средних веков и не стесняется в увеличении потомства, так как работа детей дает ему добавочные средства к жизни»¹. Рост рождаемости, по его мнению, был «лишь неизбежным следствием развития женского и детского труда... Достаточно удалить женщин и детей с фабрик... чтобы вызвать благодетельное изменение в... рождаемости»², т. е. ее снижение. Сегодня, когда в распространении женского труда многие авторы склонны видеть причину не повышения, а понижения рождаемости, они поинтересуются и на прошлое и охотно объясняют, отчего во времена Ч. Диккенса «многодетность из преимущества превратилась в недостаток»³ и почему, стало быть, крестьянин былых времен был заинтересован в рождении большого числа детей, а современный рабочий нет. Однако вопрос о том, было ли демографическое прошлое действительно таким, каким оно изображается во многих демографических книгах и статьях, или речь идет лишь о его искусственно сконструированном образе, вытекающем из даваемых тем или иным специалистом объяснений сегодняшних процессов, — этот вопрос нельзя считать закрытым.

В частности, заслуживает внимательного рассмотрения тот «образ прошлого», который сформировался за последние 15—20 лет в советской демографической литературе и с большими или меньшими расхождениями принимается многими нашими авторами: авторитетными демографами А. И. Антоновым, В. А. Борисовым, Л. Е. Дарским и др. Вот некоторые основные черты этого образа.

1. *Повсеместное преобладание сложной, многопоколенной семьи.* «В рабовладельческом и особенно феодальном обществе семья расширенного типа (где взрослые дети обзаводятся собственными детьми, но остаются в родительской семье) являлась основной экономической ячейкой»⁴. «Это была большая патриархальная семья, в состав которой могли входить не только родст-

венники, но и рабы, ученики, слуги, приживалки и т. п.»⁵. С функционированием именно такой семьи связываются обычно весьма важные для демографов черты демографического поведения в прошлом. В частности, отмечается, что именно в большой патриархальной семье, состоящей из нескольких поколений и родственников по мужской линии, появляются экономические интересы и стимулы к рождению детей⁶.

2. *Центральное место, занимаемое семьей в жизнедеятельности личности.* Утверждается, что в традиционном обществе семья играла «совершенно исключительную роль», была «замкнутым организмом», во внутренние дела которого общество практически не вмешивалось⁷. Большая часть общественных проявлений личности осуществлялась только через семью⁸.

3. *Центральное место, занимаемое детьми в семье, а потому и в жизнедеятельности личности.* Существовала «личная ориентированность» членов общества на семью и детей, они составляли «центр всей жизнедеятельности личности, который подобно магниту стягивает все устремления и действия воедино»⁹. Дети считались бесценным благом, что приводило к неограниченной потребности в них¹⁰.

4. *Сознательное стремление к многодетности.* Высокая рождаемость в прошлом связывается «прежде всего с сознательным стремлением к многодетности»¹¹. «Каждая семья стремилась обеспечить себя детьми»¹². По мнению А. И. Антонова, так как исторически самосознание возникло 8—10 тыс. лет назад и свои высшие формы приобрело на заре письменной истории, ни о какой «стихийности размножения» в более поздние времена «не может быть и речи. Высокая рождаемость определялась не отсутствием „сознательности“, а мощными социальными нормами»¹³.

5. *Экономическая и социальная полезность детей как главное основание стремления к многодетности.* По мнению ряда авторов, семья с большим числом детей была не только субъективно желанной, но и объективно предпочтительной с экономической и социальной точек зрения¹⁴. «Потребность расширенной семьи в большом числе детей оказывалась настоятельной потребностью индивида, так как понятия размера семьи, политического могущества и достатка были по сути идентичны»¹⁵. Экономические мотивы деторождения были главными в большой крестьянской семье, где дети принимали уча-

стие в хозяйственных работах с раннего детства. Многодетность способствовала благосостоянию семьи, в частности, в условиях общинного землевладения, «при котором происходили периодические переделы земли в пользу многодетных семей»¹⁶.

6. *Многодетность*. «После первых пяти лет брака семья постоянно пребывала как минимум в среднететной форме (3—4 ребенка). При условии, что детей рождалось в семье больше чем 4—6, многодетность была выржена заметнее»¹⁷.

Из образа прошлого, как он рисуется исследователям, непосредственно вытекает и образ перемен, которые наступают, когда прошлое начинает превращаться в настоящее. Назовем основные черты присутствующего в демографической литературе образа таких перемен.

1. *Нуклеаризация семьи и «отмирание многодетности»*. Хорошо известный процесс нуклеаризации выводится непосредственно из ослабления «посреднической роли» семьи¹⁸. Иногда его прямо связывают и со снижением рождаемости. «Нуклеаризация семьи есть следствие того процесса, который вызвал отмирание многодетности. Нуклеаризация есть форма изменения семьи, сопровождающая шествие малодетности»¹⁹. Подчеркивается, что нуклеарная семья «всегда малодетная и потому дисфункциональная, дезорганизованная»²⁰. Как уже упоминалось, считается очевидным, что в силу социальных и экономических сдвигов многодетность из преимущества превратилась в недостаток²¹.

2. *Утрата семьей центрального места в жизнедеятельности личности*. И нуклеаризацию, и «отмирание многодетности» демографы часто объясняют тем, что семья потеряла свою «автономность... от социальных институтов и общества в целом» и возник «перевес внесемейных ориентаций над семейными»²². В прошлом все связи человека с обществом осуществлялись через семью, теперь посредническая роль семьи между индивидом и обществом становится все меньше²³, семья теряет свое центральное место в жизнедеятельности личности, «большинство традиционных способов удовлетворения потребностей личности так трансформировались, что перестали быть связанными с семьей и ее функциями»²⁴.

3. *Утрата детьми их бывшей экономической и социальной полезности семье как главная причина падения их ценности для родителей*. «Многодетность перестает быть экономически и социально выгодной для родите-

лей, что начинает сказываться на переоценке многодетности, на снижении ее значимости»²⁵. «Увеличение экономических затрат на детей сопровождалось уменьшением экономической потребности в них»²⁶. Дети утрачивают смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи, становятся ненужными как страховка в старости, теряют свою роль наследников родительских состояний и продолжателей фамилий²⁷.

4. *Утрата детьми центрального места в семье и снижение их ценности для родителей*. «Значение детей, ранее многоплановое, сузилось до объекта опеки и заботы»²⁸. Ведущими мотивами рождения детей перестали быть экономические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам. Однако сила последних тоже ослабевает. «Трудно сказать, что стало с соответствующими потребностями: то ли они трансформировались и удовлетворяются другими объектами, то ли они слабо развиты, имеют малую ценность и вытесняются другими — возможно и то и другое вместе»²⁹. Так или иначе, но ценность детей в глазах родителей резко падает. «Ни о каком скрытом процессе „усиления“ ценности детей не может быть и речи»³⁰. Неожиданным и беспрецедентным оказалось снижение ценности детей³¹. «Дети уже не считаются высшим благом жизни, а соизмеряются с другими ценностями, потребность в них включается в общий ряд материальных и духовных потребностей»³².

По мысли некоторых демографов, рисуемый ими образ прошлого, равно как и перемен, ведущих от прошлого к настоящему, не только позволяет объяснить уменьшение рождаемости до 1—2 детей в семье, что ведет к невозможности поддерживать даже простое возобновление поколений, но и подсказывает пути преодоления этой неблагоприятной ситуации. Они связывают такие пути с частичным возрождением старых ценностей и прежнего жизненного уклада. Ход их мыслей примерно таков.

«Сохранение высокого уровня рождаемости в развивающихся странах говорит о том, что традиционный уклад жизни, основанный на расширенной системе родства, способен и в новых условиях сохранять многообразные преимущества многодетности»³³. И в нашей стране «расширенная семья не обречена быть печальным пережитком однобоко трактуемого „традиционного“ общества. Она способна раскрыть свои возможности при решении всех без исключения семейных проблем и в

эпоху НТР... Необходимо сосредоточить внимание на расширенной семье, которая, по мнению целого ряда исследователей, обладает рядом преимуществ при уходе за детьми, в их воспитании и обучении, вообще в решении возникающих проблем... по множеству выполняемых в такой семье функций»³⁴. «Надо восстановить некоторые элементы сложной семьи, которая имеет перед собой более длительную жизненную перспективу... Необходимо изменить современную ситуацию, в которой большинство родителей не ожидает от своих детей... помощи и поддержки в старости... Следует возродить само понятие продолжения рода и фамилии, добиться, чтобы у семьи вновь появилось желание иметь сыновей. В тех регионах нашей страны, где до сих пор отдается предпочтение мальчикам... надо способствовать сохранению этих традиций»³⁵.

Автор последних предложений сам замечает, что «такая „программа“ может показаться наивной»³⁶. Нам кажется, что это — самое мягкое определение. Однако полемика по поводу тех или иных предложений демографов, вытекающих из нарисованного ими образа прошлого, не входит в нашу задачу. Самое большее, что можно здесь сделать, это высказать некоторые сомнения и поставить некоторые вопросы, адресовав и то и другое не столько демографам, сколько профессиональным историкам, в чьей помощи наша демография сегодня очень нуждается.

Попытаемся пояснить смысл этих вопросов, относящихся к той картине прошлого, которая рисуется сегодня многим демографам, но, как нам кажется, не всегда согласуется с историческими фактами.

1. Верно ли, что в прошлом преобладали «расширенные» семьи и что «расширенная семья неизбежно оказывалась для индивида той средой, в рамках которой лишь и было возможным успешное социальное и тем более физическое существование личности»³⁷?

В исторической литературе высказывается и иная точка зрения. Мы находим в ней аргументированное мнение о том, что «повсеместно в среде сельского русского населения на протяжении более трех столетий (с XVI и до середины XIX в.) основой семейного строя оставалась малая семья... Определившись еще во времена Древнерусского государства в качестве самостоятельной функционировавшей общественной ячейки, малая семья в дальнейшем, безусловно, преобладала в общей

структуре семейного строя»³⁸. Правда, и этот вывод, на- верно, нельзя считать истиной в последней инстанции, спор о типе семьи в эпоху феодализма в мировой литературе ведется давно, и его едва ли можно считать законченным. Как отмечается в одной обобщающей работе по истории современной семьи на Западе, «социологи, которые первыми стали заниматься историей семьи, взяли дурную привычку раз и навсегда исходить из гипотезы, согласно которой до промышленной революции семьи были организованы как настоящие кланы, или, по крайней мере, всегда были значительно „расширенными“». Так как одной капли исторических знаний было достаточно, чтобы убедиться в ошибочности этой гипотезы применительно к европейскому обществу, начиная с 1960-х годов... под громкие возгласы восхищения стали открывать нуклеарную семью на каждом повороте истории... Авторы впали в противоположную крайность... они стали утверждать, что повсеместно и во все времена практически преобладала супружеская семья — отец, мать, дети и прислуга. Таким образом, они пришли к тому, что создали свою собственную фантастическую гипотезу: нуклеарная семья как историческая константа»³⁹. Авторитетные специалисты находят все новые и новые доводы в пользу той или иной гипотезы, спор продолжается, но для нашей темы важно, что сам факт существования в прошлом большого числа малых, нуклеарных семей бесспорен. Бесспорно, стало быть, и «социальное и... физическое существование личности» в таких семьях. Вопрос же о том, в каких семьях — малых или неразделенных, «расширенных» — у замужней женщины рождалось больше детей и где были лучшими условия их социализации, вообще едва ли можно считать изученным.

2. Верно ли, что семья занимала центральное место в жизнедеятельности личности, была замкнутым организмом и не допускала вмешательства общества в свои дела?

Подобный взгляд на семью прошлого не пов и, конечно, не изобретен демографами. Не случайно Л. Е. Дарский цитирует автора XIX в., утверждавшего, что «для огромного большинства людей семья... составляет единственный центр и стимул деятельности»⁴⁰. Можно привести и другие подобные высказывания. Например, И. В. Киреевский писал в свое время, что «если мы захотим вникнуть во внутреннюю жизнь нашей из-

бы, то заметим... что... цельность семьи есть одна общая цель и пружина»⁴¹.

Разумеется, семья, образуя ближайшее социальное окружение человека, играла в его жизни очень важную роль. Однако была ли она столь замкнутым и самодостаточным организмом, чтобы отгородить человека от всех других элементов социальной среды и стать единственным центром его интересов? Такой взгляд на семью прежних эпох нельзя считать общепринятым. Вот, например, мнение историка о средневековой европейской семье: «Наряду с семьей в ту эпоху существовал ряд других коллективов, также строившихся на началах солидарности и взаимной помощи: цехи, общины, братства, гильдии, приходы, соседства, группы вассалов и т. п. Неизбежное включение любого члена феодального общества в одну или в несколько такого рода малых групп препятствовало тому, чтобы семья играла роль исключительного или главного социального интегратора. Она приобретает подобную роль только с распадом этих объединений»⁴². Здесь — картина, прямо противоположная той, которая содержится в описанных выше образе прошлого и образе перемен.

Но, может быть, то, что справедливо для Западной Европы, неверно для России? Однако и в России семью трудно считать «единственной социальной реальностью»⁴³ для человека. Надо ли напоминать, что крестьянские семьи, например, входили в сельскую общину? А «для крестьянина община была главнейшей референтной социальной группой, превосходившей для него по значимости даже первичные — родственные и соседские — группы. Она захватывала не часть его жизненной активности и не некоторые черты его личности, а всего целиком»⁴⁴. Между тем демографы иногда изображают некую семейную «робинзонаду» — изолированную семью, о которой говорится, например, что «сыновья были единственными соратниками отца в защите дома и семьи, что было немаловажно в условиях, когда государство не всегда могло или хотело обеспечить надежную защиту своих подданных»⁴⁵. Откуда взята эта ситуация — из романов Фенимора Купера о жизни пионеров, колонизировавших Американский континент, или из исторических источников, касающихся семейного быта трудящегося большинства населения, скажем, феодальной Европы, крепостнической России и т. п.?

Как совместить представление о замкнутости семьи,

не допускавшей вмешательства общества в свои дела, с хорошо известной открытостью, публичностью крестьянской жизни, постоянным социальным контролем над ней со стороны «мира»? «„Мир“, „улица“ давали санкцию на все, что делал крестьянин. Без этой санкции ни свадьба, ни похороны, ни рождение не становились действительными событиями в глазах крестьянина. Чем больше людей были свидетелями того или иного события, чем больше, значительнее санкция, тем, следовательно, весомее, реальнее становилось данное событие для крестьянина»⁴⁶.

З. Верно ли, что дети занимали центральное место в жизнедеятельности семьи и личности, которое они впоследствии, с развитием капитализма, утратили?

Французский историк Ф. Ариес, подвергший этот вопрос систематическому изучению на западноевропейском материале, приходит к противоположному заключению. Он утверждает, «в центре старой семьи стояли авторитет отца и управление домом. Жизнь современной семьи строится в зависимости от ребенка и его будущего»⁴⁷. В традиционной семье дети представляли интерес только в той мере, в какой они участвовали в родительских трудах, сами по себе они привлекали мало внимания. Ф. Ариес замечает, например, что М. Монтень не мог сказать точно, сколько у него детей и сколько раз рожала его жена.

В литературе высказывались сомнения по поводу некоторых доводов Ф. Ариеса⁴⁸, но в целом исторические данные как будто подтверждают его мысль о том, что, по крайней мере, цивилизация средневековья была «цивилизацией взрослых». «Все историки согласны с тем, что новое время, особенно XVII—XVIII вв., ознаменовалось появлением нового образа детства, ростом интереса к ребенку во всех сферах европейской культуры... признанием за детством автономной, самостоятельной социальной и психологической ценности»⁴⁹. Все это не очень вяжется с уже упоминавшимся предположением демографа, будто «иренебрежение к детям», отраженное, в частности, в творчестве Ч. Диккенса, — симптом новейших перемен, обусловленных развитием капитализма⁵⁰. Скорее, здесь уместен другой взгляд. В творчестве Ч. Диккенса, а в России, например, в творчестве Ф. М. Достоевского могло отразиться как раз изменение положения детей в лучшую сторону, их перемещение с периферии в центр семейных и общественных интересов.

То, что испокон веков считалось совершенно нормальным, естественным: отсутствие заботы о детях, их припущенное положение, бесправие, обязанность подчиняться деспотической власти родителей, эксплуатация и т. д. — все это становится объектом критики со стороны литературы, искусства, общественного мнения, стремящихся сформировать новый идеал отношения к детям. Собственно, на это указывал Ф. Энгельс, когда писал, что с преодолением традиционного средневекового способа мышления должно было утратить силу и невыносимое притязание «старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего»⁵¹.

Отечественный исторический материал также дает немало подтверждений того, что дети в прошлом отнюдь не находились в центре семейных интересов, об этом не раз писалось, в том числе и в последние годы⁵². Однако систематического изучения вопроса проведено не было, он еще ждет своих исследователей.

4. Верно ли, что семьи прошлого сознательно стремились к многодетности?

В этом вопросе тоже нет ясности. Так, Л. Е. Дарский, который в одном месте пишет, что высокая рождаемость в прошлом «связана прежде всего с сознательным стремлением к многодетности»⁵³, в другом случае утверждает, что «субъективный фактор (т. е. сознательное репродуктивное поведение), ранее весьма незначительный, превратился (теперь. — А. В.) в доминирующий»⁵⁴. Не вполне ясно, и какой смысл вкладывается в понятия «сознательность», «самосознание» и т. п. Важно ли для нашей темы, что «исторически самосознание возникло 8—10 тыс. лет назад»? Ведь возникновение таких его форм, как, скажем, классовое или национальное самосознание, мы относим к гораздо более поздним эпохам. В таком же смысле вполне можно поставить вопрос о сравнительно недавнем появлении демографического самосознания, т. е. об осознании человеком себя как деятеля, субъекта демографического поведения. А до этого? «Демографическое поведение крепостного крестьянства отличалось субъективной стихийностью, крестьяне, например, не пытались ограничить рождаемость. Случайно? Нет, закономерно. Крестьянин, не чувствуя себя субъектом своих действий, вмешательство в таинство зачатия и рождения считал греховным»⁵⁵. В демографическом поведении проявлялись общие для

многих сторон поведения крестьянства черты, свойственные как дореформенной, так и пореформенной русской деревне. Сто лет назад об этом писал Глеб Успенский. «Можно... любоваться... устойчивостью деревенских форм жизни и их красотой и широтой, но объяснить их прочность и широту обилием созидającego сознания невозможно»⁵⁶.

«Сознательным называется то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью»⁵⁷. Если принять эту дефиницию, то сознательным можно назвать только такое демографическое поведение, которое осуществляется в соответствии с заранее поставленной целью и при этом в условиях, когда есть свобода выбора целей и средств их достижения. Существовали ли такие условия в прошлом в массовом масштабе?

Едва ли. Имеются многочисленные свидетельства о применении различных, часто малоэффективных или опасных для здоровья средств плодизгнания или предупреждения беременности в прошлом, скажем, теми же русскими крестьянками, но обычно подчеркивается греховность, незакононость, подпольность такой практики⁵⁸. Массового распространения она не имела. Потому ли, что крестьяне «сознательно» хотели иметь побольше детей и в такой практике не было нужды? Приведем для иллюстрации реального положения вещей свидетельство наблюдателя начала нашего века — всегда полезно, рассуждая о прошлом, услышать и его собственный голос. «Среди населения Клинского уезда бесплодие не считается большим несчастьем. Наоборот, несчастными скорее оказываются те, у кого много детей... „Хорошо иметь детей, — говорят крестьяне, — если их один, двое или, самое большее, трое. Больше этого они становятся родителям в тягость“. Дальнейшая плодовитость супругов-крестьян — божье наказание. Чем больше в семьях детей, тем больше бедности, недостатка и голода... Между тем, как бы ни была обременена женщина детьми, она никогда не решится употребить средство против родов. Это считается незамолимым грехом. Тем не менее во избежание скорой беременности после родов эта последняя не прочь продлить кормление ребенка годов до полуторых и даже больше»⁵⁹.

Эта иллюстрация, конечно, ничего не доказывает, но все же показывает, что демографическое поведение крестьян могло не включать в себя (или включать в очень малой степени) постановку цели и выбор средств

ее достижения. Они вели себя не так, как хотели бы вести, и в этом смысле их поведение не было «сознательным». По насколько типична подобная ситуация? Можно ли на основании наблюдений начала века делать выводы, относящиеся к другим историческим периодам? Чтобы ответить на эти и подобные вопросы нужны специальные исследования.

5. Верно ли, что многодетность была экономически и социально выгодна семье?

Мы только что привели слова о том, что, «чем больше в семьях детей, тем больше бедности, недостаток и голода». Это отнюдь не единичное высказывание. В литературе XIX — начала XX в., посвященной жизни русского крестьянства, достаточно часты упоминания экономических тягот, связанных с большим числом малолетних, а иногда и не только малолетних детей. Указывалось, например, на экономическое бремя, связанное с подготовкой дочерей к замужеству. Из-за этого «рождение девочки в семье рассматривалось главой семьи как несчастье: оно несет разорение ей, и, чем больше девочек, тем глубже оно»⁶⁰. «Бесполезно говорить крестьянину об улучшении хозяйства, многополье, выходе па поселок и т. д. (о матери уже и речи нет), когда есть в семье дочь „на выданье“»⁶¹. Народные представления об экономических последствиях многодетности получили отражение в фольклоре. «Сын да дочь, да и тех кормить невмочь»⁶². «Одно взять — или детки водить, или деньги копить». «У богатого телата, а у бедного ребята»⁶³. Эти и подобные им пословицы также никак не подтверждают мысль о многодетности как залого экономического процветания.

Конечно, у многодетности была и другая сторона. Она способствовала формированию больших семей, которые в условиях российского земледельческого хозяйства имели бесспорные экономические преимущества, перед семьями малыми, были обычно более зажиточными. Однако зажиточность была все же следствием большего числа взрослых работников. А малые дети не только сами не были работниками, но еще отвлекали от работы женщин. Поэтому крестьянской семье сплошь и рядом «приходилось пережить трудный период, прежде чем она могла достичь относительного благополучия. Как ни рано крестьянские дети начинали помогать взрослым, это время наступало не сразу... Чем больше имелось несовершеннолетних детей, тем тяжелее было материаль-

ное положение семьи. Время до того, как первые дети станут взрослыми, было очень тяжелым в жизни семьи, в этот период она могла и обеднеть. Если на семью со многими малолетними детьми обрушивалось несчастье, скажем смерть главы семьи, что было не такой уж редкостью, ее экономическое положение оказывалось отчаянным»⁶⁴.

Таким образом, вопрос об экономической выгоде многодетности решается, вероятно, не столь однозначно, как это выглядит под пером некоторых демографов. А как обстояло дело с социальными преимуществами при большом числе детей?

Говоря об этих преимуществах, демографы называют политическое могущество, социальный статус, престиж, власть, безопасность и т. д. Вот пример типичного рассуждения. «Престиж многодетного главы семьи был высок: чем больше детей было в семье, тем большим уважением пользовался человек, тем большей властью он обладал. Брачные связи детей укрепляли положение семьи в общине; они увеличивали количество родственников, а родственные связи были важной формой социальных связей в рамках соседской общины»⁶⁵. «В социальном обществе, почти не знавшем социальной мобильности, стать отцом или матерью семейства было единственным актом социального возвышения»⁶⁶.

К сожалению, подобные рассуждения не сопровождаются обычно анализом конкретного материала и потому порождают определенное недоверие. Так ли уж были важны политическое могущество или власть для того же русского крестьянина пореформенной, а тем более дореформенной поры? Где он мог их проявлять? В то же время были ведь и другие стороны социального бытия человека, которых многодетность касалась по-иному, — взять хотя бы положение непрерывно рожавшей женщины. На экономические преимущества больших семей указывали многие старые авторы, а вот их социальные достоинства казались спорными и им. «Семейному человеку всегда и доверия больше и от общества, и от частных лиц... Большая семья для крестьянина в его земледельческом быту уже сама по себе составляет целое состояние... Но предложите крестьянину вопрос: „А где лучше жить — в большой семье или в маленькой?“ И он вам тотчас же ответит: „Не приведи никому жить в большой семье!“ И тут же... начнет рассказывать... как тяжело для каждого работника-семья-

нина жить в большой семье, где ему приходится переносить несправедливость от отца... работать на такое число ртов, что у него самого буквально вырывают из рук каждый заработанный им кусок хлеба, и много-много другого. А о жене своей он уже и не упоминает: редкая женщина, прожившая долго в большой семье, не страдает какими-нибудь женскими болезнями, происходящими прямо от падады, вследствие непосильного труда...»⁶⁷ Неудивительно, что многие крестьяне, невзирая на экономические преимущества больших семей, стремились к семейным разделам. Правда, родственные связи не уничтожаются разделом, а мы уже знаем, что они были «важной формой социальных связей в рамках соседской общины». Так что тут легко вообразить разрастание семейного клана, его «власти» и «политического могущества». Но было ли так на самом деле? Например, А. Н. Энгельгардт замечает, что как раз разделившиеся обычно особенно озлоблены друг против друга — какая уж тут семейная солидарность!⁶⁸

6. Наконец, последний из вопросов, которые мы хотим поставить. Верно ли, что в прошлом преобладали многодетные семьи?

Нам уже приходилось касаться этого вопроса⁶⁹ и отмечать, что высокая рождаемость не тождественна многодетности. В прошлом каждая женщина в среднем действительно рожала помногу детей, но из-за высокой смертности многодетных семей не могло быть много. Применительно к России косвенно на это же указывают и приводимые историками оценки средней населенности крестьянского двора и среднего размера семьи. Так, В. А. Александров, основываясь на данных Я. Е. Водарского и других авторов, приходит к выводу, что «с конца XV в. вплоть до середины XIX в... крестьянская семья по своей численности не претерпевала принципиальных изменений. В северо-западных районах она находилась в стабильном состоянии, колеблясь в среднем от 5 до 7 душ обоего пола; в западных районах — от 7 душ в 1678 г. до 8 душ; в Нечерноземном центре с начала XVII в. она возросла с 4—5 душ до 7 душ; в Поморье колебания с середины XVI в. наблюдались с 5 до 7 душ; в Поволжье — между 5 и 8 душами и, наконец, в Черноземном центре ее численность со второй половины XVII до середины XIX в. была наибольшей — 8—10 душ»⁷⁰. Учитывая, что все же было немало сложных, неразделенных семей, такие средние

размеры семьи не дают оснований говорить о широко распространенной многодетности. Впрочем, на это уже указывают и прямые оценки распределения семей по числу живших в них на момент учета детей — их в исторической литературе имеется довольно много. Вот типичный пример такой оценки (Вологодский уезд, начало XVIII в.). «Число детей редко превышало шесть человек. Естественно, что встречались семьи и с большим числом детей — от 7 до 11, но таких было совсем немного — около 2%. Наиболее же характерны семьи, имеющие одного-трех детей: у монастырских крестьян — их 71,8%, а у помещичьих — 67,7%»⁷¹. Добавим, что, по данным, приводимым в цитированном источнике, модальной была двухдетная семья.

Было бы полезно собрать и обобщить подобные оценки, хотя обычно они не вполне устраивают демографов, в частности, потому, что не содержат информации о возрасте родителей. Может быть, если бы историки и демографы работали совместно, из имеющихся архивных материалов удалось бы извлечь более полную информацию. Но в целом нам кажется, что вопрос о числе детей в семье в прошлом заслуживает внимания и поддается разрешению.

В этой главе поставлена лишь небольшая часть вопросов, возникающих перед демографами, когда они хотят дать более глубокое истолкование изучаемых ими процессов воспроизводства населения. Получить на них ответы не просто, требуются серьезные и достаточно масштабные историко-демографические исследования. Но обойтись без них нельзя. Будущее нашей демографической науки во многом зависит от того, окажется ли она проникнутой духом подлинного историзма или станет довольствоваться псевдоисторическим орнаментом, а со страниц претендующих на научность демографических статей и книг на читателя будет глядеть сказочная птица Сирин.